

ВЛАДИМИР МАГУН,

кандидат психологических наук, заведующий сектором исследований личности Института социологии РАН, Москва

МИХАИЛ ЭНГОВАТОВ,

младший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва

**Структура и межпоколенная динамика
жизненных притязаний молодежи в России и
Украине: 1985–2001¹**

Abstract

The article deals with dynamics of life claims among several generations of Russian and Ukrainian young people during revolutionary changes in countries of the former USSR of 1985-2001. The research revealed the tendency of rising claims, characteristic of the second part of 1980-ies, which did not change in 1990-1995, but in 1995-2001 it tended to go down although they still exceeded the level of 1985. The first jump in expectations, related to new opportunities appeared under conditions of transformation, was burdened by understanding of barriers that existed on the way to individual aims and goals of society as a whole.

Предмет и информационная база исследования

Жизненные притязания молодежи являются важным фактором ее социальной активности и в то же время индикатором фундаментальных перемен, происходящих в странах бывшего Советского Союза. Настоящая статья посвящена анализу динамики притязаний нескольких поколений российской и украинской молодежи, вступивших в раннюю юность в конце

¹ Авторы признательны А.Вишневному, В.Гимпельсону, Е.Головахе, Б.Дубину, С.Захарову, Е.Мещеркиной, Ю.Бернштайну (E.Burnstein) и Р.Добсону (R.Dobson) за комментарии и ценные советы.

XX — в начале XXI века, в период революционных изменений в странах бывшего СССР.

Уровень притязаний рассматривается как “стандарт достижений, который индивид устанавливает для себя и которого он ожидает достичь. Термин может быть использован для обозначения всего спектра явлений, начиная от ожиданий индивида по поводу своих достижений при выполнении теста и кончая его представлениями о том общем жизненном положении, к которому он стремится” [1, с. 17].

Исследование, о котором пойдет речь, основано на данных четырех опросов. Замысел и методический инструментарий первого из них были разработаны Е. Головахой и В. Магуном [2–4]. Первый опрос был проведен в Киеве в 1985 году, второй — в конце 1990-го — в начале 1991 года в Москве и в 1992-м в Киеве, третий — в двух столицах, Москве и Киеве, и в провинциальных российских городах, Орле и Мценске¹ в 1995-м, четвертый — в четырех упомянутых городах и в сельских районах Саратовской области в 2001 году. Объектами изучения каждый раз были 16–17-летние учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ (не включались в выборку школы с углубленным изучением иностранных языков или других предметов, гимназии, частные школы и т.п.). Сбор данных проводился методом группового анонимного анкетного опроса в школе (техника самозаполнения); как правило, в опросах одновременно участвовал целый школьный класс. Сохранив неизменными принципы формирования выборки и инструментарий опроса, мы получили возможность сравнить жизненные притязания четырех поколений российской и украинской молодежи.

Численность опрошенных (N): в 1985 году в Киеве — 625 чел.; в 1990–1991 годах в Москве — 387 чел.; в 1992 году в Киеве — 205 чел.; в 1995 году в Киеве — 203, в Москве — 200, в Орле — 208, в Мценске — 186 чел.; в 2001 году в Киеве — 200, в Москве — 230, в Орле — 253, в Мценске — 219, в сельских поселениях Саратовской области — 176 чел. В общей сложности были опрошены 3092 человека².

Анализ результатов трех этапов исследования (1985-го, начала 1990-х и 1995 года) опубликован. При сравнении первых двух серий опросов было установлено, что уже в начальный период быстрых социальных изменений, получивший название “перестройка”, произошел *резкий рост притязаний* юношей и девушек [6]³. Сопоставление материалов, полученных в Москве, Орле, Мценске и Киеве в 1995 году, с данными двух первых опросов проде-

¹ Орел — областной центр с населением 334 тыс. чел., Мценск — районный центр в Орловской области с населением 50 тыс. чел.

² Девушек среди опрошенных было несколько больше, чем юношей: 54% против 46%. В выборках, локализованных в различных пространственно-временных точках, соотношение юношей и девушек было не всегда одинаковым. В данной статье различия между юношами и девушками специально не рассматриваются, но там, где они существенны для интерпретации, они контролировались. О влиянии пола, возраста, образования, типа поселения и характера занятости на притязания молодежи см.: [5].

³ Одновременно с притязаниями изучались ресурсные стратегии их реализации, включающие расчет молодых людей на свои собственные усилия и на помощь окружающих. Подробнее о динамике жизненных стратегий см.: [7; 8].

монстрировало дальнейшее развитие той же тенденции [9–13]. Реакция многих людей на публикацию этих материалов, свидетельствующих о резком росте притязаний, часто носила алармистский характер: “Бедные дети! Какое их ждет разочарование!” Конечно, риск разочарований и фрустраций является неизбежной платой за высокие притязания, но нам представляется, что как раз *недостаточная* амбициозность является сегодня серьезным тормозом индивидуального и общественного развития; пока у людей не будет высоких запросов и притязаний, не будет и высоких достижений.

Спустя несколько лет после опубликования в 1993 году наших выводов о резком повышении уровня потребительских и властных притязаний у молодежи появилась серия публикаций Л.Гудкова (одна из них — в соавторстве с М.Пчелиной), основанных на данных ВЦИОМ, свидетельствующих о росте денежных притязаний на протяжении 1993–1997 годов, причем в данном случае речь шла уже не о межпоколенной динамике, а главным образом об изменениях притязаний на протяжении нескольких лет жизни *одних и тех же* поколений [14–16].

В статье Ю.Левады, опубликованной еще несколько лет спустя и тоже базирующейся на опросах ВЦИОМ, напротив, акцент сделан на ограниченности притязаний россиян и слова “человек ограниченный” даже вынесены в ее заглавие [17]. Хотя конкретные выводы Ю.Левады не противоречат выводу о “революции притязаний”, сделанному в публикациях по материалам нашего проекта, все же различие в акцентах очевидно. Возможно, причины этого частично связаны с характером эмпирического материала. Наши респонденты — это выпускники средних школ, и, как было показано в специальном исследовании, даже среди молодежи эта социальная категория отличается одним из самых высоких уровней притязаний [5]. Кроме того, вывод о резком повышении уровня притязаний был сделан применительно к концу 1980-х — началу 1990-х годов, а в статье Ю.Левады рассматривается, в основном, период, начиная с 1997 года.

Теперь благодаря материалам, собранным в 2001 году, мы имеем возможность продлить временной ряд сопоставлений и проследить *межпоколенные изменения притязаний молодежи на протяжении более длительного периода — с 1985-го по 2001 год*.

Этот период рассматривается социальными учеными как время глубоких социальных трансформаций или социальной революции [18–20]. Первый наш опрос (1985) был проведен как раз в канун этих фундаментальных изменений (их старт связывают с приходом к власти М.Горбачева и периодом “перестройки”). Последняя же серия опросов (2001) была проведена как раз после того, как, по мнению ряда наблюдателей, в России революционный период завершился и с избранием В.Путина она вступила в постреволюционную фазу общественного развития.

Важнейшими экономическими событиями в период между опросами 1995 и 2001 годов, с точки зрения возможного влияния на уровень притязаний и представления молодежи о способах их реализации, были острый финансовый кризис 1998-го, затронувший и Россию, и Украину, и начавшийся вслед за этим экономический рост (впервые после непрерывного спада, характерного для 1990-х годов).

Новизна данной публикации, по сравнению с предшествующими, состоит не только в расширении временного диапазона до 2001 года и включе-

нии в анализ еще одного поколения выпускников школ, но также в изменении характера используемых показателей. Наряду с исходными частными показателями, взятыми непосредственно из ответов респондентов на отдельные вопросы анкеты (они были основным предметом анализа в прежних публикациях), в данной статье будут использованы производные интегральные показатели, являющиеся результатом комбинирования ответов на несколько различных вопросов. Эти интегральные показатели представляют собой индивидуальные значения респондентов по факторам (“факторные индексы”), полученные в результате факторного анализа отдельных притязаний. Эти новые интегральные показатели, благодаря которым можно четче увидеть главные тенденции, позволяют уточнить и некоторые ранее сделанные выводы, касающиеся динамики 1985–1995 годов.

Первичные данные, собранные в 1985 году в Киеве, к сожалению, не сохранились, и в отношении этого массива мы располагаем лишь распределениями ответов на вопросы анкеты. Поэтому эти данные в факторный анализ не могли быть включены, и факторные индексы используются только для сравнения опросов, проведенных начиная с 1990–1992 годов. Для факторизации были отобраны ответы респондентов на те вопросы, которые, начиная с 1990–1992 годов, присутствовали в анкетах на всех трех этапах исследования, давали достаточную межиндивидуальную вариацию и были сопоставимы в разных временных точках.

Для оценки значимости межгрупповых различий средних величин в статье используется однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Поскольку дисперсии сравниваемых групп, как правило, не равны, то в рамках этого анализа чаще всего применяется критерий Тамхена. Значимыми считаются различия начиная с вероятности ошибки 0,05, хотя фактически, если различие оказывалось значимым, то вероятность ошибки была значительно ниже — менее 0,01 или 0,001. ANOVA является достаточно жесткой процедурой оценки значимости, и в силу этого не все описываемые в статье различия оказались статистически значимыми. Все же в пользу их надежности часто свидетельствует повторяемость этих отличий у разных категорий респондентов, в частности повторяемость межпоколенной динамики притязаний у молодежи, живущей в разных городах.

Структура и межпоколенная динамика уровня притязаний

Один из возможных способов классифицировать разнообразные притязания человека — рассмотреть их сквозь призму тех задач, которые решает индивид в различных сферах жизни: в труде, семейной жизни, культурной активности, потреблении и т.п. В соответствии с набором подобных задач у респондентов фиксировались уровень *властных* притязаний (желаемая должность), притязания на тот или иной уровень *материального положения* (основное жилье, дача, автомобиль, общий уровень “богатства”), на уровень *образовательного и культурного статуса* (уровень формального образования, размер домашней библиотеки), на уровень *признания (престижа)*, а также ожидания (феномен не идентичный, но коррелирующий с притязаниями) в отношении *числа будущих детей*. Респондентам также задавали вопрос о желаемом уровне *общественного положения*.

В специальных исследованиях показано, что уровень притязаний обычно колеблется в определенном диапазоне [21; 22]. Учитывая это обстоятель-

ство, мы сформулировали вопросы так, чтобы актуализировать в сознании людей потребности, лежащие ближе к *нижней* границе диапазона: во всех случаях респондента спрашивали о том, что он счел бы *достаточным* для себя. Такого рода притязания, по-видимому, более реалистичны, и главное — человек тверже их отстаивает, борется за их воплощение в жизнь активнее, чем за осуществление своих более амбициозных устремлений.

Для сообщения о своих притязаниях респондентам, как правило, предлагались наборы “закрытий”. Например, на вопрос “Какую должность Вы сочли бы для себя в будущем достаточной?” предлагались следующие варианты ответов: 1 — рядовой работник; 2 — руководитель небольшого подразделения (бригадир, руководитель группы и т.п.); 3 — руководитель крупного подразделения на предприятии, в учреждении (начальник цеха, заведующий отделом); 4 — руководитель предприятия, учреждения; 5 — руководитель более высоких звеньев управления. Выбор того или иного варианта и характеризовал *уровень притязаний* респондента. Во всех этих случаях мы имеем дело как минимум с ранговыми шкалами, но при некоторых видах анализа мы принимаем допущение, что различия между соседними вариантами подобных ответов одинаковы и отображаются метрической шкалой. Это допущение необходимо для того, чтобы можно было использовать более широкий диапазон инструментов статистического анализа — средние величины, факторный анализ и др.

Конечно, не все молодые люди точно знают, какую должность они планируют занять или какую дачу хотят построить. Однако для изучения уровня притязаний это обстоятельство не является помехой, ибо известно, что в ситуации неопределенности человек порой даже более открыто выражает свои глубинные психологические свойства, чем в условиях полной ясности. Поэтому не следует приписывать ответам респондентов буквальный смысл. Юноша, заявляющий, что хочет стать руководителем предприятия, может и не знать в деталях, что это за работа, и уж тем более нет гарантии, что он соответствующую должность действительно займет. Но подобный ответ указывает на то, что должностные притязания данного респондента достаточно высоки.

При интерпретации полученных данных мы исходим из следующих довольно простых представлений о механизмах формирования уровня притязаний. Во-первых, формирование уровня притязаний предполагает знание человека о тех желаемых благах, которые вообще могут стать предметом его устремлений. Во-вторых, превращение образа того или иного блага в мотивирующий человека уровень притязаний включает процесс соотнесения этого образа с представлениями о ресурсах (возможностях) достижения данного блага и о тех ограничениях (барьерах, цене), которые достижению препятствуют. В-третьих, все эти процессы происходят под контролем социальных норм, разрешающих, запрещающих или предписывающих тот или иной уровень притязаний, те или иные средства его достижения, а также “процедуры” его принятия человеком (в частности, необходимость соотнесения притязаний с ресурсами и ограничениями).

Для начала рассмотрим межпоколенную динамику некоторых частных показателей уровня притязаний.

На рисунке 1 показана динамика ответов на вопрос о должностных притязаниях (для демонстрации основных тенденций мы ограничились тремя вариантами ответов из пяти). Как отмечалось ранее, с 1985-го по 1995 год

эти притязания очень резко повысились: на графике видно, что и в Киеве, и в Москве доля ответов, указывающих на желание юношей и девушек занять две наиболее высокие позиции в должностной иерархии, значительно выросла¹, а желание стать руководителем небольшого коллектива (то есть занять низшую из руководящих должностей) стало за эти годы гораздо менее популярным. (По обоим городам различия между опросами 1990–1992 и 1995 годов в отношении двух наиболее высоких позиций, а также в отношении “руководителя небольшого коллектива” статистически значимы.)

Что произошло на последнем этапе — после 1995 года? Как видно из рисунка, и в Киеве, и в Москве, в отличие от предыдущего периода, изменения очень небольшие, причем в Киеве — в сторону снижения притязаний. В Орле и Мценске с 1995 по 2001 год изменения более заметны и направлены в сторону повышения притязаний. Но, как и в столичных городах, эти изменения статистически незначимы².

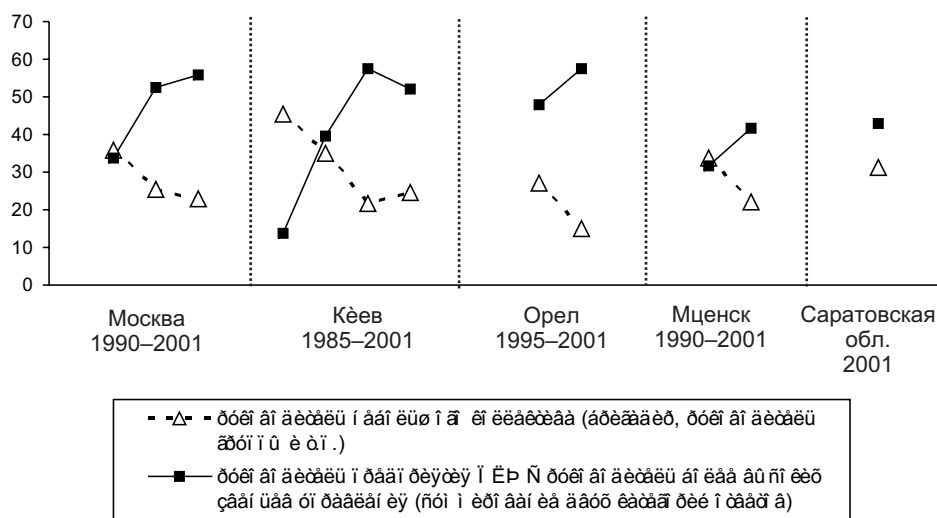

Рис. 1. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: “Какую должность Вы сочли бы для себя в будущем достаточной?” (1985–2001, %)

¹ Во всех случаях приводятся процентные доли от числа респондентов, ответивших на вопрос. Доля не ответивших на вопрос обычно не превышает 2–3%.

Формулировки вопросов сохраняются в анкете неизменными с 1985 года, то есть с советских времен, поэтому в вопросе о достаточной должности нет речи о том, хочет ли человек быть собственником того предприятия, должность на котором он будет занимать. Но вполне закономерно, что в 1990-е годы ответы на вопрос о должности и желании начать свой бизнес оказались тесно связаны: чем выше должностные притязания, тем чаще молодые люди говорят, что их привлекает возможность создать свое дело, быть его хозяином. Предпочитают быть хозяином, а не наемным работником более 80% тех, кто хочет руководить предприятием или быть руководителем более высоких звеньев управления (данные опросов 1995 и 2001 годов).

² В дальнейшем тексте, если специальные упоминания о статистической значимости отсутствуют, то это указывает на то, что различия незначимы.

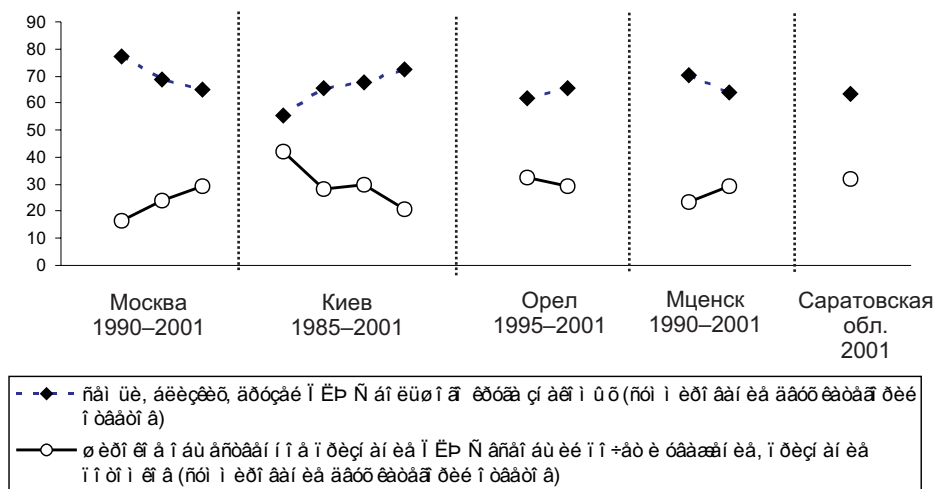

Рис. 2. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: “Чье признание и уважение Вы сочли бы для себя достаточным в будущем?” (1985–2001, %)

Притязания, касающиеся *уважения и признания*, также были предметом изучения во всех четырех опросах¹. Как видно из рисунка 2, динамика этих притязаний в разных городах не одинакова. В Киеве начиная с 1985 года почти все время снижается доля тех, кто стремится к публичному признанию (“широкому общественному признанию” и “всеобщему почету и уважению, признанию потомков”), и, наоборот, растет доля тех, кто готов ограничиться признанием и уважением в приватной сфере (со стороны “семьи, близких, друзей” и “большого круга знакомых”). Мы объясняли эту тенденцию разрушением старой, советской системы общественного признания в ходе радикальных социальных трансформаций постсоветских обществ, а также обшей переориентацией системы ценностных доминант с публичной на приватную сферу [23; 24].

Первый опрос *московских* старшеклассников был проведен в 1990–1991 годах, и если сравнить его результаты с данными 1985 года по Киеву (допустив, что они в то время мало отличались от московских), то получается, что в первые годы социальных трансформаций (в период “перестройки”) в Москве, как и в Киеве, притязания на публичное признание снижались и росла готовность ограничиться более скромными формами признания со стороны семьи, друзей и знакомых. Однако после 1990–1991 годов притязания *московских* старшеклассников на признание и уважение имеют иную динамику: публичное признание неуклонно набирает популярность, а готовность ограничиться приватным признанием, наоборот, снижается (различия между 1990–1991 и 2001 годами в Москве по обеим группам ответов статис-

¹ Вопрос и варианты ответа: “Чье признание и уважение Вы сочли бы для себя достаточным в будущем? 1 — только свое собственное; 2 — семья, близких, друзей; 3 — большого круга знакомых; 4 — широкое общественное признание; 5 — всеобщий почет и уважение, признание потомков”.

тически значимы). Таким образом, судя по этим данным, у московских старшекласников на протяжении 1990-х годов притязания на социальное признание росли, что, скорее всего, объясняется постепенным утверждением в постсоветском российском обществе новой системы социальных эталонов и оценок.

Переходя к сфере потребления, начнем с “жилищных” притязаний. Отвечая на вопрос “Какие жилищные условия Вы считаете достаточными для Вашей будущей семьи?”, респонденты указывали *число комнат в квартире или в доме* и *ожидаемый размер будущей семьи*, для которой эти комнаты предназначены. Конечно, спрашивая о числе комнат, мы получали лишь самое грубое представление об уровне “жилищных” притязаний молодежи. Тем не менее этот простой индикатор оказался достаточно информативным и чувствительным.

Во всех рассматриваемых группах во все годы ожидаемое число членов семьи приблизительно равнялось четырем (респондент, его брачный партнер и двое детей¹). Что же касается достаточного числа комнат, то оно менялось. Если в 1985 году достаточное число комнат приблизительно равнялось трем, то начиная с 1990-го оно ни в одном поселении не опускалось ниже четырех (табл. 1)².

Число комнат в жилище — это наглядное, хорошо понятное благо для каждого современного человека. Опыт пребывания в том или ином жилище есть у каждого молодого человека, следовательно, этот вид притязаний — один из наиболее естественных, в наименьшей степени навязываемых респонденту самой процедурой опроса. Поэтому прибавление от одной до двух комнат в притязаниях юношей и девушек с 1985-го по 1995 год — одно из наиболее ярких проявлений “революции притязаний”, произошедшей в этот период в России и Украине. Причем в конце 1980-х годов была преодолена важная граница: если в 1985 году “достаточное” число комнат соответствовало официальной норме советских лет “число членов семьи минус 1”, то в 1990–1995 годах *число комнат сначала сравнялось* (Москва, 1990–1991) *с числом членов семьи, а потом на единицу превысило это число* (Киев, 1992; Киев, Орел и Мценск, 1995). Иными словами, люди стали более требовательны к важнейшему элементу повседневной жизненной среды и изменили сам принцип подхода к определению желаемого размера жилья.

После 1995 года динамика этого важного показателя изменилась: во всех четырех городах, по которым мы располагаем сравнительными данными за 1995 и 2001 годы, произошло *снижение* среднего числа комнат, которое представляется достаточным (см. табл. 1; для объединенного массива указанных выше четырех городов это снижение статистически значимо). Таким образом, здесь ситуация похожа на ту, которую мы наблюдали в отно-

¹ Если быть точными, то показатели числа ожидаемых детей колебались от 1,7 (Киев, 2001) до 2,0 (Москва, 1990–1991).

² Цифры в таблице 1 несколько ниже приводимых в более ранних публикациях по данному проекту. Это объясняется тем, что, готовя данную публикацию, мы исключили из рассмотрения “выбывающиеся” значения, превышающие 10 комнат. Всего было исключено 2,5% ответов.

шении должностных притязаний в Киеве, с той лишь разницей, что снижение жилищных притязаний имеет более явный и универсальный характер.

Таблица 1

“Достаточное число комнат” (1985–2001, средние значения*)

Названия поселений	1985	1990–1992	1995	2001
Москва	–	4,2	4,5	4,2
Киев	3,2	4,9	5,0	4,4
Орел	–	–	5,2	5,0
Мценск	–	–	4,8	4,4
Саратовская обл.	–	–	–	4,4
4 города	–	–	4,9	4,5

* Численность опрошенных в каждой группе указана выше (с.48); ошибки средних не превышают 0,14.

Снизилась и значения разности между числом комнат и числом членов семьи (рис. 3). Но важно отметить, что и в 2001 году в каждом из пяти рассматриваемых поселений среднее число комнат *превышает* среднее число членов семьи (превышение колеблется от 0,4 до 1,1). Это означает, что по-прежнему действует принципиально иной по сравнению с советскими временами подход к формированию жилищных притязаний, и некоторое их снижение с 1995-го по 2001 год не означает возврата к стандартам советского времени.

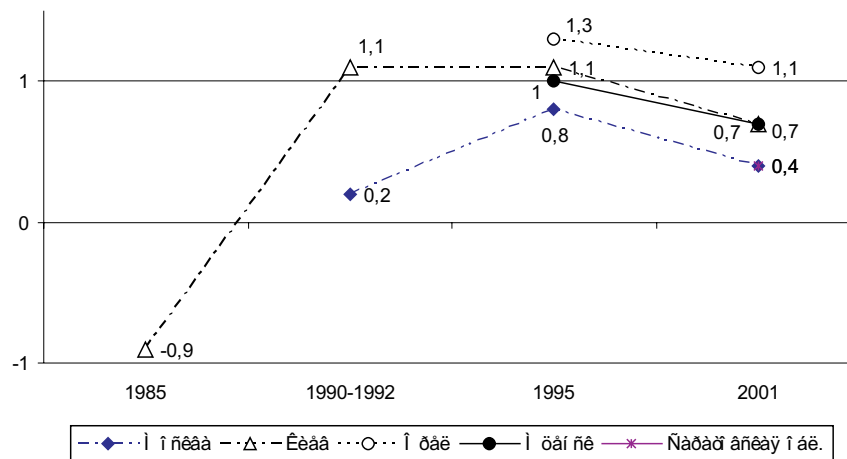

Рис. 3. Межпоколенная динамика индекса “достаточное число комнат” минус “ожидаемое число членов семьи” (1985–2001, средние значения)

В качестве второго компонента жилищных притязаний рассматривались планы приобретения *садового участка и дачи* (“второго жилища”). Вопрос в анкете звучал так: “Если Вы предполагаете в будущем иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на

нем была бы для Вас достаточна?” Варианты ответов: 1 — не предполагаю иметь участка; 2 — легкая временная постройка (“временка”); 3 — небольшой деревянный дом; 4 — большой деревянный дом; 5 — капитальный кирпичный дом (рис. 4).

Как и в других притязаниях, в запросах, относящихся к даче, резкий сдвиг вверх произошел к началу 1990-х годов: прежде всего сильно уменьшилась доля тех, кто вообще не планировал иметь земельный участок и загородный дом; уменьшилась также популярность “небольшого деревянного дома” и резко возросла частота выбора наиболее качественных вариантов дома — “большого деревянного” и “капитального кирпичного”. На рисунке 4, где ответы сгруппированы в две укрупненные категории (относящиеся к наименее и наиболее качественным постройкам), прежде всего бросается в глаза самый длинный отрезок прямой. Он относится к данным, полученным в Киеве, и отражает взлет популярности двух наиболее качественных вариантов дома уже на начальном этапе социальной трансформации советского общества (с 1985-го по 1992 год).

Как видно из графиков, приведенных на рисунке, все последующие изменения несопоставимы по своему масштабу с тем, что произошло в самом начале. Что же касается последнего наблюдаемого периода (с 1995-го до 2001 года), то он характеризуется некоторым снижением уровня притязаний во всех 4 городах.

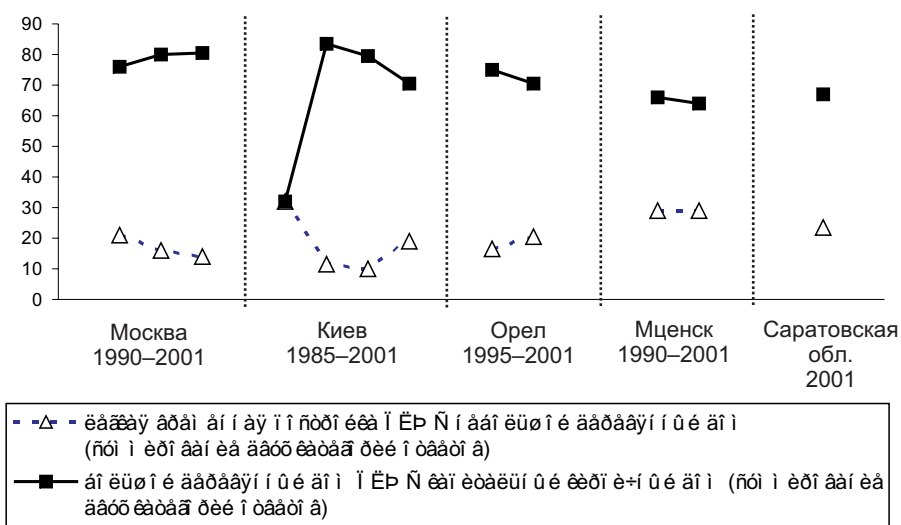

Рис. 4. Межпоколенная динамика ответов на вопрос: “Если Вы предполагаете иметь для себя и своей будущей семьи садовый участок, то какая постройка (дача) на нем была бы для Вас достаточна?” (1985–2001, %)

Каждый вид притязаний, который мы измеряли и анализировали, имеет свою специфику, но естественно ожидать, что притязания взаимосвязаны. В таком случае и динамику их изменений можно регистрировать не по каждому виду притязаний в отдельности, а по их интегральным характеристикам (индексам).

Для построения интегральных показателей притязаний мы воспользовались методом факторного анализа, который на первом этапе определяет структуру исходных признаков и их взаимосвязи, а затем на основе этих взаимосвязей формирует интегральные (факторные) индексы. Факторному анализу были подвергнуты ответы на шесть вопросов, характеризующих притязания молодых людей на определенную должность, уровень творчества в труде¹, уровень социального признания, размер будущего жилища и тип дачи, а также ожидания, касающиеся числа будущих детей². В массиве, объединяющем всех респондентов, опрошенных с 1990-го по 2001 год, все эти притязания образовали два фактора³ (табл. 2).

Таблица 2

Факторная структура показателей уровня притязаний у респондентов, опрошенных в 1990–2001 годах (Москва, Киев, Орел, Мценск, Саратовская область, N = 2467)

Показатели уровня притязаний	I фактор	II фактор
Достаточная должность	0,71	–0,25
Приемлемый уровень творчества в труде	0,56	–0,23
Достаточная постройка на дачном участке	0,41	–0,18
Достаточное признание и уважение	0,50	–0,15
Достаточное число комнат	0,61	0,41
Предполагаемое число детей	0,24	0,86
<i>Информативность факторов</i>	28%	18%

В *первый из факторов* с одинаковыми по знаку и не слишком различающимися по абсолютной величине нагрузками⁴ входят все показатели притязаний, и его можно интерпретировать как *общий (или генеральный) фактор высоких притязаний*: чем выше индивидуальные значения респондентов по данному фактору, тем выше все шесть показателей притязаний, входящих в данный фактор. Это значит, что все признаки — в той мере, в какой за них отвечает данный фактор, — ведут себя одинаково: рост или снижение одного из видов притязаний сопровождается, соответственно, ростом или снижением всех остальных.

¹ Соответствующий вопрос звучал так: “В будущем Вас вполне устроил бы труд, который требует от работника...”. Можно было выбрать один из пяти ответов, от “выполнения хорошо освоенных приемов и правил, чтобы не тратить время на самостоятельный поиск новых решений” (1 балл) до “поиска исключительно новых решений, полной самостоятельности в выполнении своей работы” (5 баллов).

² Соответствующий вопрос звучал так: “Как Вы думаете, сколько у Вас будет детей?” Строго говоря, он характеризует ожидания, а не притязания респондентов, но в данном случае эти две характеристики, скорее всего, тесно связаны между собой, и поэтому можно рассматривать ответ на указанный вопрос как приблизительную оценку притязаний.

³ Применялся общепринятый критерий для определения числа факторов — их собственное число должно быть больше 1.

⁴ Факторный вес ожидаемого числа детей заметно ниже, чем у остальных показателей; возможно, это как раз и связано с иной модальностью вопроса.

Значит, анализ интегрального индекса, образованного на основе этого фактора, способен заменить анализ шести отдельных показателей в той их части, которая описывается данным фактором.

Второй фактор — биполярный: два показателя (ожидаемое число детей и притязания на размер будущего жилья) входят в него с положительными знаками, а четыре остальных — с отрицательными. По абсолютным величинам нагрузки различных признаков сильно различаются: доминируют веса признаков, характеризующих число ожидаемых детей и размер основного жилища, значительно меньшие веса у признаков, связанных с притязаниями в сфере труда и общественного признания. Этот второй фактор можно интерпретировать как *параметр высоких притязаний в семейной сфере с тенденцией к взаимно обратным отношениям с притязаниями в сфере труда* (именно с тенденцией, поскольку эта вторая группа показателей имеет значительно меньшие веса)¹.

По обоим обнаруженным факторам респондентам были приписаны индивидуальные значения, и таким образом каждый из опрошенных получил индивидуальную оценку по каждому из двух интегральных параметров. Это дает возможность проследить динамику данных интегральных параметров за интересующие нас годы. Как уже говорилось, преимущество подобного анализа состоит в том, что он в какой-то мере заменяет анализ множества отдельных показателей, “собранных” в соответствующие индексы.

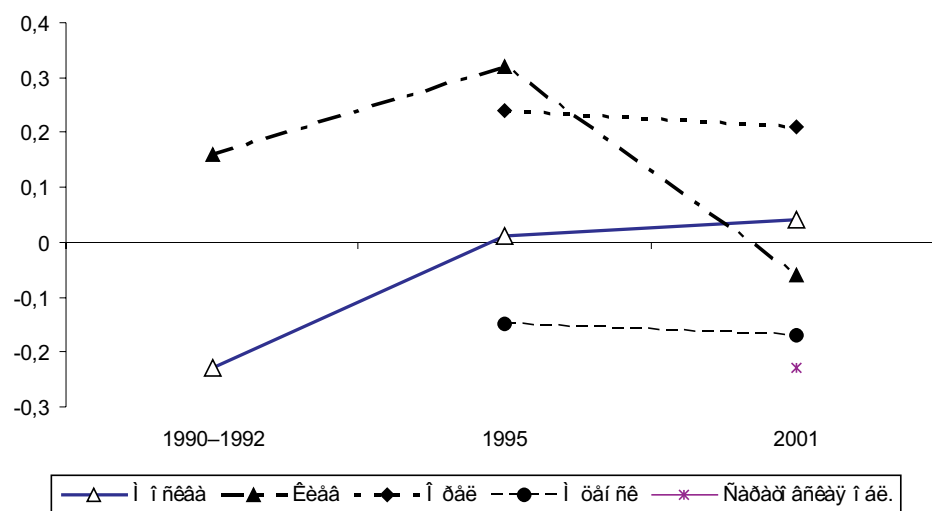

Рис. 5. Генеральный индекс притязаний (1990–2001, средние значения первого фактора)

На рисунке 5 показана динамика *общего (генерального) фактора притязаний* в 1990–2001 годах в отдельных городах. Как видим, на протяжении первой половины 1990-х годов общий уровень притязаний старшеклас-

¹ Мы предположили, что высокие значения по этому фактору чаще характерны для девушек, а низкие — для юношей, что соответствовало бы социальным стереотипам в отношении этих двух гендерных групп. Но это предположение не подтвердилось.

ков значительно вырос, причем в Москве этот рост был статистически значим. Он был описан в предшествующих публикациях, где фигурировали тогда еще не факторные индексы, а наблюдения за динамикой отдельных показателей притязаний. Новыми же на рисунке 5 являются тенденции второй половины 1990-х годов, и они, как видим, отличаются от того подъема, который был характерен для 1985–1995 годов. Динамика изменений в 1995–2001 годах в разных городах совпадала не полностью, но *ни в одном из них не наблюдалось статистически значимого роста обобщенного фактора притязаний*. В Киеве средний индекс обобщенного уровня притязаний резко (и статистически значимо) снизился, а в трех остальных городах изменения оказались очень невелики и статистически незначимы.

Таким образом, с 1995-го по 2001 год рост обобщенного индекса притязаний не наблюдался, а в отдельных географических точках имело место даже его снижение. Само по себе отсутствие динамики не заслуживало бы, возможно, специального внимания, если бы не контраст с десятью предшествующими годами, на протяжении которых притязания юношей и девушек неуклонно росли. Налицо смена тенденций: рост уровня притязаний, наблюдавшийся с конца 1980-х годов, сменился консервацией или даже снижением достигнутого уровня.

Первоначальный взлет уровня притязаний объясняется изменениями, произошедшими в конце 1980-х — начале 1990-х годов в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества. На основе этих изменений, поначалу достаточно ограниченных, возникло общее настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного строя, который должен был прийти на смену государственному социализму¹. Представления о новом общественном устройстве формировались под влиянием описанного в психологии “принципа удовольствия”. Важнейшей составляющей этих представлений был более высокий, чем при социализме, уровень возможных жизненных результатов и логически дополняющая его бóльшая легкость их достижения.

Конкретные социальные механизмы, обусловившие повышение уровня притязаний, были связаны со снятием барьеров на пути движения информации, людей и товаров между развитыми капиталистическими странами и бывшим Советским Союзом. Российским и украинским гражданам открылось и стало для них *референтным* новое — “западное” — пространство с более высокими стандартами достижений, уровня и качества жизни. Эти новые образцы, сначала доступные только через средства массовой коммуникации, стали постепенно проникать и на территорию бывшего Советского Союза и воздействовать на людей, становясь элементами их повседневной среды обитания (например, товары, лежащие на прилавке магазина, или иностранные автомобили, движущиеся по городским улицам). Уже не на Западе, а в его собственной стране и в собственном городе начали формиро-

¹ Обратим внимание, что бурный рост притязаний происходил уже в конце 1980-х годов, то есть предшествовал августовской революции 1991-го. Это, кстати, согласуется с идеей Дж. Дэвиса о том, что рост притязаний является необходимой предпосылкой социальной революции (см.: [25]).

ваться новые социальные группы, становившиеся для человека референтными¹. При этом *цена*, которую платили за достижение этих благ люди, ставшие объектом подражания, то есть неотделимые от соответствующих благ трудовые и иные затраты, первоначально оставалась скрытой, что вообще характерно для восприятия людьми чужих затрат².

Одновременно возникали новые ресурсы, способствовавшие реализации этих новых уровней достижения, и снимались многие социальные ограничения, данным достижениям препятствовавшие (запрет на предпринимательство, ограничения товарно-денежных обменов, ограничения свободы выезда за границу и других видов территориальной и социальной мобильности, свободы слова и политической деятельности и т.п.). Все это — составные части процессов разрушения тоталитаризма и освобождения личности, происходивших в бывшем Советском Союзе с 1985 года и повлиявших на процесс социализации поколений юношей и девушек, окончивавших среднюю школу в начале и в середине 1990-х и в начале 2000-х годов.

Формировались и новые социальные нормы, *предписывающие* высокий уровень притязаний. Так, в 2001 году подавляющее большинство (более 85%) выпускников школ, вошедших в нашу выборку, соглашались с тем, что “всегда надо стремиться к большему: чем выше ставишь для себя планку, тем большего достигнешь в жизни и больше получишь от нее”. Скорее всего, массовое распространение этой и подобных норм можно отнести к тому же периоду конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда происходил общий идеологический поворот в бывшем советском обществе, и влияние этих социальных норм было еще одной причиной описанного выше роста притязаний.

¹ Для иллюстрации этих новых реалий достаточно перечислить хотя бы несколько новых слов, вошедших в повседневный словарь в те годы: йогурт, доллар, евроремонт, виза, “Вольво”...

Как правило, притязания юношей и девушек дают в нашей выборке положительные корреляции с соответствующими характеристиками родительских семей. Но все же для формирования новых потребительских притязаний детей вовсе не было необходимо прямое влияние уровня жизни родителей. Например, доля садовых участков и дач у родителей наших подростков заметно повысилась в промежутке с 1985-го по 1992 год: в Киеве в 1985-м участки и дачи были у 28% семей, а в 1992 — у 59%. И притязания детей тоже выросли, но гораздо более резко (рис. 4). А вот в распространенности реального владения автомобилями в конце 1980-х скачка не произошло (сдвиг наблюдался позже, в первой половине 1990-х годов, когда доля семей с автомобилями выросла в нашей киевской выборке с 34% до 46%, а в московской — с 36% до 53%). Между тем притязания на владение автомобилем резко выросли уже к началу 1990-х, когда почти все юные москвичи и киевляне заявили, что хотят в будущем иметь машину (см.: 11, с. 20). Эти факты наглядно иллюстрируют вывод о том, что референтными при формировании притязаний молодежи были не столько родительские семьи, сколько более отдаленные социальные общности — “западные”, а потом и отечественные, о которых мы только что упоминали. Это, в свою очередь, позволяет понять парадоксальную ситуацию взлета уровня притязаний молодежи в тот самый период, когда жизнь многих семей ухудшалась.

² В уже упоминавшейся статье Ю. Левада отмечает, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов советским и постсоветским обывателям стали доступны “витрина” и “прилавок” сегодняшней западной цивилизации, но не ее “кухня” и “фабрика” (см.: [17, с. 12]). Кухня и фабрика — это как раз те места, где совершаются основные затраты ресурсов и проливаются невидимые миру слезы.

Стагнацию (а частично даже снижение) притязаний молодежи во второй половине 1990-х годов можно понять в рамках того же подхода, что был использован для объяснения предшествующего роста притязаний.

Можно предположить, что представления молодежи об абстрактно возможном уровне достижений изменились мало, но изменились представления о процессе воплощения этих притязаний в жизнь. Первоначальный всплеск общественных ожиданий и идея богатства возможностей, открываемых новым общественным строем, постепенно переплелись с более трезвым осознанием ранее скрытых барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов. Сформировалось мнение о гораздо более медленных, чем ожидалось, темпах позитивных социальных изменений. В связи с этим характерно название одной из последних статей выдающегося российского социолога Л.Гордона — “Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения” [26].

Подобное изменение общественных настроений (прямо или косвенно отразившееся и в изменениях в сознании молодежи) происходило под влиянием огромного числа больших и малых событий; важнейшим из них был финансовый кризис 1998 года, заставивший как элиты, так и массовые слои населения в России и Украине остро осознать упомянутые барьеры и ограничения. Труднее преодолимыми и менее проницаемыми для социальной мобильности стали выглядеть ко второй половине 1990-х годов и перегородки между разными социальными стратами.

В то же время важно со всей определенностью подчеркнуть, что возврата к уровню притязаний, который был характерен для поколения, опрошенного в 1985 году, не произошло. Даже более умеренные притязания образца 2001 года резко превосходят те, что были характерны для “доперестроечной” молодежи. Об этом наглядно свидетельствует динамика отдельных видов притязаний молодых киевлян и москвичей, представление о которой дает рисунок 6.

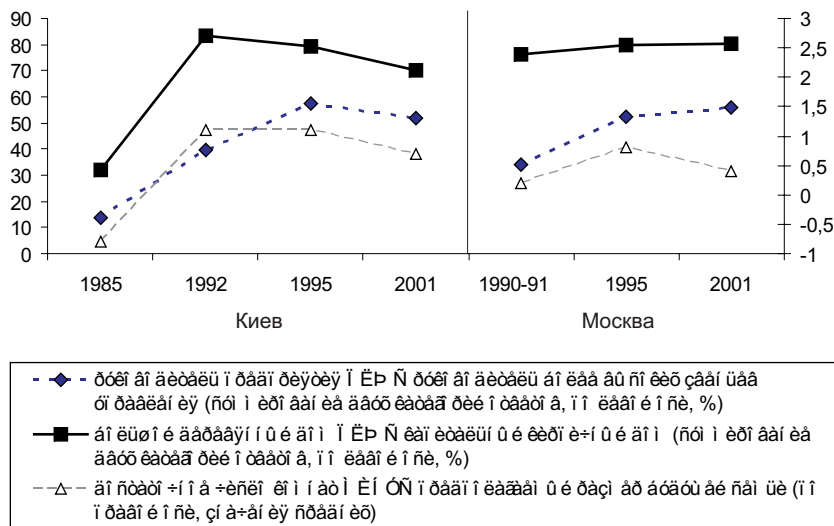

Рис. 6. Межпоколенная динамика притязаний на должность, загородный дом и размер основного жилища в Киеве и Москве (1985–2001)

Как уже говорилось, наряду с воплощенной в первом факторе основной, наиболее явной, системой взаимосвязей между различными показателями притязаний, есть и взаимосвязи “второго плана”, воплощенные в описанном выше втором факторе. На рисунке 7 изображена динамика этого второго интегрального индекса притязаний. Напомним, что чем ниже его значения, тем выше притязания, касающиеся должности, а также уровня содержательности и творческого характера труда, и наоборот, ниже показатели притязаний, связанных с числом детей и размером жилища.

Итоговая (с 1990–1992-го по 2001 год) динамика значений этого фактора в Москве и Киеве указывает на снижение жилищно-семейных притязаний и сопровождающий его некоторый рост притязаний в сфере труда (различия по Москве статистически значимы: 1990–1991 годы значительно отличаются от 1995-го и 2001 года). Таково же направление динамики в Орле и Мценске.

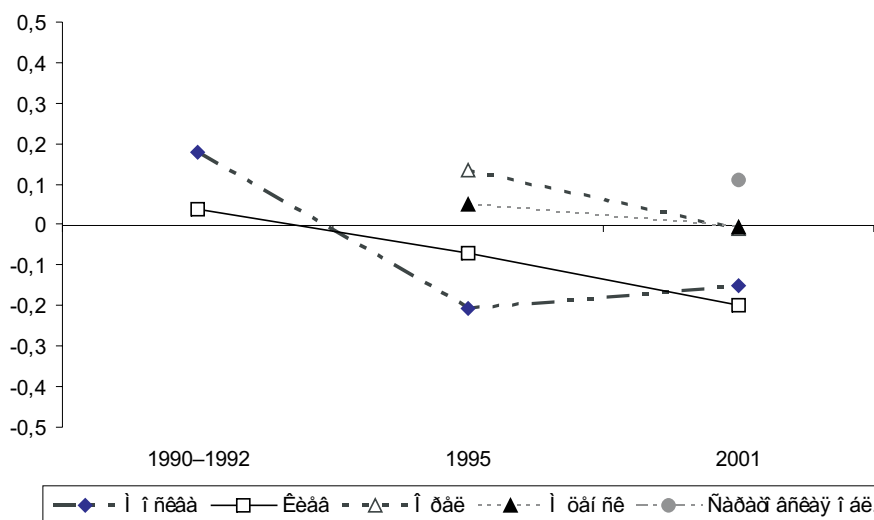

Рис. 7. Фактор высоких притязаний в сфере семьи (1990–2001, средние значения)

Причины этого снижения, по-видимому, те же, что и причины снижения генерального индекса притязаний. Но в данном случае они касаются наиболее дорогого и трудно доступного блага, каковым является жилье (с которым, в свою очередь, связан процесс создания собственной семьи). В Москве, где жилье особенно дорого, снижение соответствующих притязаний резко проявилось уже в первой половине 1990-х годов. Поскольку речь идет о тенденции “второго плана”, то при анализе отдельных, не расщепленных в процессе факторного анализа показателей, она была незаметна, замаскирована генеральной тенденцией общего роста притязаний, воплощенной в динамике первого фактора. То, что снижение притязаний, касающихся дорогих благ, сопровождается некоторым повышением трудовых притязаний, объяснимо. Возможно, молодые люди откладывают приобретение дорогих благ, предпочитая прежде сосредоточиться на трудовых достижениях, которые позволят накопить соответствующие ресурсы.

Выводы

В статье изложены результаты исследования, предпринятого в России и Украине на протяжении периода, когда шли быстрые социальные изменения в странах бывшего СССР. Исследование осуществлялось в четыре этапа. Первый опрос был проведен в Киеве в 1985 году, второй — в Москве в конце 1990-го — начале 1991 года и в Киеве в 1992-м, третий — в столицах, Москве и Киеве, и провинциальных российских городах, Орле и Мценске, в 1995 году, четвертый в 2001-м — в дополнение к четырем упомянутым городам также в сельских районах Саратовской области. Объектами изучения каждый раз были 16–17-летние учащиеся выпускных классов обычных общеобразовательных школ, что позволило сравнить жизненные притязания у четырех поколений российской и украинской молодежи.

Межпоколенные сравнения притязаний проводились на основе как частных, так и интегральных показателей, полученных в ходе факторного анализа; рассматривались два первых, наиболее информативных фактора.

Анализ межпоколенной динамики *первого* — общего (или генерального) — фактора притязаний показывает, что с 1990–1992-го по 1995 год сохранялась тенденция роста притязаний, характерная для второй половины 1980-х годов. Но с 1995-го по 2001 год эта тенденция изменилась, и притязания несколько снизились. В то же время существенно, что эта возвратная тенденция не вернула соответствующие показатели к значениям 1985 года, сохранив существенную часть изменений, накопленных с 1985-го по 1995 год.

Первоначальный взлет уровня притязаний интерпретируется в статье как результат революционных изменений, произошедших в конце 1980-х — начале 1990-х годов в социально-культурных, экономических и политических основах жизни бывшего советского общества, и в то же время как условие этих изменений. В тот период господствовало настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного строя, утверждавшегося в России и Украине. Это настроение формировалось под влиянием описанного в психологии “принципа удовольствия” и вело как к более высокому уровню притязаний, так и к логически дополняющему его представлению о большей легкости их воплощения в жизнь. Цена достижений и затраты, неотделимые от нового уровня жизни, оставались при этом скрытыми.

Стагнация уровня притязаний молодежи и частично даже его снижение, наступившие во второй половине 1990-х годов, и сопровождавший их рост готовности молодых людей идти на жертвы и трудности интерпретируются в статье как следствие изменения представлений людей о возможностях воплощения их притязаний в жизнь, более трезвого осознания барьеров и цен, ограничивающих возможные достижения как общества в целом, так и отдельных его членов, переоценки темпов позитивных изменений, в частности после финансового кризиса 1998 года.

Динамика первого обобщенного фактора притязаний в основном совпадает с тенденциями, выявившимися при наблюдении за динамикой отдельных видов притязаний. В динамике же второго фактора притязаний выявилась тенденция, незаметная при анализе исходных показателей притязаний. Десятилетняя динамика этого фактора с 1990–1991-го до 2001 года свидетельствует о том, что молодые люди все больше склонны откладывать при-

обретение дорогих благ, предпочитая прежде сосредоточиться на трудовых достижениях, чтобы накопить соответствующие ресурсы.

Литература

1. *Theodorson G.A., Theodorson A.G.* A Modern Dictionary of Sociology. — N.Y., 1969. — P. 17.
2. *Головаха Е.И., Магун В.С.* Теоретические и методологические проблемы исследования // Профессиональное самоопределение и трудовой путь молодежи / Под ред. В.Л.Оссовского. — К., 1987. — С. 276–282.
3. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. — К., 1988.
4. *Магун В.С.* О взаимосвязях готовности человека к собственным усилиям и ожидаемой им помощи // Психологический журнал. — 1991. — № 6. — С. 40–54.
5. *Магун В.С., Энговатов М.В.* Жизненные притязания молодежи Самарской области // Молодежь Самарской области в 2002 году: современное положение и тенденции развития. — Самара, 2003. — С. 193–222 (http://www.isras.ru/files/extra/Zhiznenuue_prityazaniya_molodezhi.pdf).
6. *Магун В.С., Литвищева А.З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. — М., 1993.
7. *Магун В.С., Энговатов М.В.* Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // Поколенческий анализ современной России / Под ред. Т.Шанина, Ю.Левады. — М., 2004 (в печати).
8. *Магун В.С., Энговатов М.В.* Структура и межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 4 (в печати).
9. *Магун В.С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи в столицах и провинции: от 1985 к 1995 г. // Куда идет Россия? ... Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И.Заславской. — М., 1996. — С. 306–317.
10. *Магун В.С.* Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы // Социологический журнал. — 1996. — № 3/4. — С.29–48. (На украинском языке: *Магун В.* Революція домагань і зміни життєвих стратегій молоді: 1985–1995 // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 1998. — № 1/2. — С. 105–119.)
11. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 / Под ред. В.С.Магуна. — М., 1998.
12. A Revolution of Young People's Aspirations and Changes in Their Life Strategies, 1985–1995 / Ed. by V.Magun // Russian Education and Society. — 1999. — Vol. 41. — № 11; № 12.
13. *Magun V.S.* The Changes in Aspirations and Life Strategies of Russian and Ukrainian Youth During the Revolutionary Decade: 1985–1995 // From Pacesetters to Dropouts: Post-Soviet Youth in Comparative Perspective / Ed. by T.Horowitz, B.Kotik-Friedgut, St.Hoffman. — Lanham; N.Y.; Oxford, 2003. — P. 149–175.
14. *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1995. — № 6. — С. 31–42.
15. *Гудков Л.Д.* Показатели статусной неудовлетворенности и их динамика // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — 1996. — № 6. — С. 45–50.
16. *Гудков Л.Д.* Русский неоконсерватизм // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. — М., 1997. — Т. 4. — С. 312–323.

17. *Левада Ю.А.* “Человек ограниченный”: уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2000. — № 4. — С. 7–13.
18. *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. — М., 2001.
19. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная революция в СССР. — М., 1998.
20. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России 90-х: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. — М., 2000. — Т. 1; 2001. — Т. 2.
21. *Lewin K., Dembo T., Festinger L., Sears P.S.* Level of Aspiration // Personality and the Behavior Disorders / Ed. by J. McV. Hunt. — N.Y., 1944. — Vol. 1 (фрагмент из этого текста на русском языке см.: *Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс П.* Уровень притязаний // Психология личности : Тексты. — М., 1982).
22. *Нюттен Ж.* Мотивация // Экспериментальная психология. — М., 1975. — Вып. 5. — С. 15–110.
23. *Магун В.С.* Ценностный реванш в современном российском обществе // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под ред. Т.И.Заславской, Л.А.Арутюнян. — М., 1994. — С. 247–250.
24. *Magun V.* Labor Culture // Russian Culture in Transition: Paradoxes of Post-communist Consciousness / Ed. by D. Shalin. — Boulder, Co., 1996. — P. 279–297.
25. *Davies J.C.* Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. — 1962. — Vol. 27. — P. 5–19.
26. *Гордон Л.А.* Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 1999. — № 5. — С.17–23.